

Л.В. Белоус

НАСЛЕДИЕ И ОБРАЗ КОСТА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ НАФИ ДЖУСОЙТЫ

Л.В. Белоус

Аннотация. В статье предлагается рассмотрение основных аспектов хетагуроведения в литературно-критических работах Нафи Григорьевича Джусойты; выявляется характер отношения исследователя к творческому наследию и личности Коста, его рекомендации современным филологам, занимающимся соответственной проблематикой.

Ключевые слова: Коста, литературная критика, литературный перевод, культура, интерпретация, личность, образ.

В одном из недавних интервью Нафи Григорьевич Джусойты с гордостью сказал о себе: «Я считаю себя и советским, и российским, и осетинским тружеником науки о литературе: истории, теории, литературной критике» [1]. Последней области литературоведения, литературной критике, мы посвятим наши рассуждения о специфике творческой и исследовательской манеры осетинского ученого. Причем в одном из принципиально важных, программных пунктов.

Внимательно изучив содержание статей Н.Г. Джусойты о Коста Хетагурове, мы отметили, что известный осетинский филолог предстает в роли ученика классика, его последователя, продолжателя традиций; почитателя, восхищенного не только талантом поэта, но и величием личности общественного деятеля, борца за свободу своего народа, патриота и истинного горца (мы уже не говорим о том, что Нафи Джусойты – известный исследователь наследия Хетагурова и переводчик его произведений с русского на осетинский). Но главная составляющая практически всех его статей о Коста связана с тем, что в лице Нафи Григорьевича великий осетинский поэт обрел истинного защитника и непримиримого борца за сохранение авторской воли при работе с наследием Хетагурова.

Нафи Григорьевич чрезвычайно скрупулезен, основателен и нетерпим, не особенно склонен смягчать свои высказывания (даже если они относятся к выдающимся и известным людям), когда речь идет о небрежности в текстологических исследованиях хетагуроведов (притом, что текстология – по мнению Нафи – труд «каторжный» [5, с. 156]. Сейчас так никто, пожалуй, не работает. Это советская школа и закалка ученого, которая в свою очередь восходит к дореволюционной русской литературоведческой традиции. Свой предмет, в данном случае речь идет о творчестве Коста, Нафи

знает до мельчайших деталей (как известно, и кандидатская диссертация его называлась «Коста Хетагуров и русская литература»). Некоторые его замечания издателям и публикаторам могут показаться чрезмерно щепетильными, но от этого они не становятся менее справедливыми: к примеру, он может пожуричь составителей и редакторов очередного собрания сочинений поэта за то, что они не включили то или иное письмо или записку Коста такому-то адресату. Уровень тщательности далек от того, с чем приходится сталкиваться современным деятелям науки и образования ежедневно.

При этом Нафи Григорьевич выделяется среди коллег научной скромностью. О написанной в молодости книге, посвященной поэме Хетагурова «Чердак», ученый откровенно сообщает, что она, его собственная книга, «не отличается глубиной анализа, довольно описательна, но вполне достаточна для того, чтобы иметь о поэме верное общее представление» [5, с. 163]. Подобных нетипичных признаний в современной науке не встретишь.

Итак, Нафи – защитник. Что именно он защищает?

Его часто не устраивает качество переводов стихотворений Коста на русский язык. Иногда он утверждает, что «переводчики не усвоили глубины содержания и особенностей художественной формы» [5, с. 11] того или иного произведения. Особенно непримирим Нафи к искажению общей установки текстов, того, что принято называть концепцией автора. К примеру, в одном из самых известных стихотворений поэта, «Мать сирот», у Коста в конце речь идет о том, что голод второй раз не обманешь. А в переводе поэта Б. Иририна Нафи обнаружил следующее:

*Над детьми витает
Сон, и чист, и тих, –*

*Ложь ее святая
Напитала их.*

Другой пример. У Коста читаем: «Ох-хай-йе! Враг наш гонит нас к пропасти»; Рождественский переводит: «Горе! Толкают нас в пропасть, в обвалы...». Нафи возмущается: «Решительно нельзя представить себе, как можно человека толкать в обвал. Стоит только прочесть знаменитое описание обвала:

*Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил, –*

чтобы навсегда увериться в невозможности толкать людей в обвал» [5, с. 20]. Неправоммерно вольное обращение с оригинальными текстами вызывает у ученого искреннее возмущение.

Нафи сетует, что перевод осетинских произведений Коста на русский язык сделан в основном очень посредственно. Явных грубых промахов он не находит, но, по его убеждению, «посредственный перевод тем и отличается от хорошего, что в нем все бывает как будто правильно, но в то же время не так, как надо бы...» [5, с. 38].

Нельзя не отметить, что ученый является не только практиком, но и теоретиком литературно-художественного перевода; «он предлагает сопоставлять не только психологический, но и тематический, идейный, эмоциональный, стилистический, ритмико-интонационный облик перевода с оригиналом» [2, с. 6].

Достаточно часто встречается у публикаторов и переводчиков Коста иной недочет, менее заметный, но тоже совершенно неприемлемый: они интерпретируют некий образ без учета контекста стихотворного наследия поэта в целом, не понимая смысл этого образа в художественном пространстве Коста и основывая свои умозаключения только на отдельно взятой строчке, что тоже мешает адекватному восприятию текстов.

Одна из самых часто встречающихся в статьях Нафи претензий к издателям связана с тем фактом, что «Осетинская лира» воспринимается как сборник стихотворений, поэтому они позволяют себе менять его структуру, переставлять местами тексты по самым разным критериям и параметрам, что совершенно недопустимо, так как, по убеждению исследователя, это не сборник, а единое художественное произведение, композиция «Осетинской лиры» определена самим Коста и является священной для тех, кто издает этот текст снова и снова. Именно поэтому переводить «Осетинскую лиру» следует поручать одному талантливому поэту, а не собирать переводы разных авторов, что мешает соблюсти

стилевое и смысловое единство «Ирон фандыра».

Претит Нафи также, когда переводчики пытаются сделать стихотворения Хетагурова излишне красивыми, он постоянно напоминает своим читателям и адресатам критических высказываний, что стиль Коста – суровый, жесткий, что его тексты – «словно стены башен, выстроенные не из обтесанных камней, а из целых глыб, отобранных и положенных на место рукой большого мастера» [5, с. 12].

Не так суров Нафи к ошибкам, связанным с незнанием реалий осетинского менталитета и быта, но не упомянуть о подобных неточностях он не считает для себя возможным: «По произведению Коста Всати – скупой и прожорливый бог. Старейший из богов окружен целой толпой прислуги: семеро юношей отгоняют от него мух, семеро готовят ему завтрак. Он, едва продрал глаза, принимается жадно есть и недоволен обращением к нему охотников – они ему мешают есть. Образ Всати, короче говоря, написан в явно юмористическом плане, а Ю. Либединский делает из него... положительного героя, друга бедняков. И это на том основании, что переводчик А. Шпирт исказил образ, а Либединский усугубил его ошибку» [5, с. 18–19].

Неряшливость, по убеждению ученого, тоже недопустима в изданиях, связанных с именем Коста. Нафи приводит в одной из статей пример, как к стихотворению «Джук-тур» Коста сделал в первом издании своих русских произведений такую сноску: «Джук-тур – особый вид дикого козла, который встречается на неприступных высотах кавказских гор». Составители трехтомника дали другое объяснение, вставив под текстом случайную опisku в рукописи: «Джук-тур – дикий баран». Н. Джусойты пишет: «Прямо диву даешься: кому же верить, Коста или его комментаторам. Решил заглянуть в современную энциклопедию, а вдруг в науке тур признан бараном, а Коста и все горцы в простоте душевной об этом не знают. Но и здесь туры признаны дикими козлами, да еще «прародителями домашних коз!» [5, с. 115].

Иногда неточности носят драматичный характер. Составители пятитомника Коста, как и составитель трехтомника Б.В. Корзун, нарушили в целом ряде случаев элементарные правила научной текстологии и меньше всего занимались выяснением основного текста, исследованием его и установлением канонического варианта. А между тем трехтомник вышел под высокой маркой Академии наук, и «теперь все неточности как бы канонизированы» [5, с. 112]. Для Нафи это непростительное деяние, он призывает общественность вмешаться в процесс подготовки книги, потому что уверен, что долг каждого представителя науки в Осетии – сохранить наследие

Коста в том виде, в каком сам поэт предпочел бы его видеть.

Может показаться странным, но к излишнему возвеличиванию своего кумира Нафи тоже отнесется плохо. В статье «О рукописи книги Г. Кравченко «Жизнь и деятельность Коста Хетагурова» Нафи сообщает, что, по его мнению, оценивать рассказ «Охота за турами» как «выдающееся событие» в литературной жизни России, неправильно и даже «унизительно для литературной жизни России, а Коста Хетагурову не прибавляет славы. Достоинства этого рассказа гораздо скромнее и не составляли выдающегося события в литературе» [5, с. 41].

В другом материале, «О рукописи книги «Коста Хетагуров. Стихотворения и поэмы», составленной Б.В. Корзуном для издательства «Библиотека поэта», не менее жестко литературовед «ругает» автора рукописи за переоценку стихотворения «Мать сирот», о котором Корзун пишет, что подобных страниц «не найдется, пожалуй, во всей мировой литературе» [3, с. 35]. Отповедь Нафи в данном случае выглядит так: «Я – осетин, стихотворец, исследователь Коста. Для меня имя Коста – это своеобразный паспорт, удостоверяющий не только мою национальную принадлежность, но и национальное достоинство осетинского народа. И все-таки я далек от мысли, что в мировой поэзии нет произведений, равных «Матери сирот». Такие фразы отдают бахвальством, но ни в какой степени не показывают величие Коста» [5, с. 35].

Не склонен Нафи прощать биографические неточности. В одном из изданий для детей (кстати, неприглядное оформление книжки текстов Коста для школьников – главный объект негодования критика, что совершенно оправданно) он находит высказывание о том, что мачеха не любила Коста и посылала его выполнять самые трудные работы, на что исследователь резонно отвечает, что мачеха не любила мальчика «из соревнования к своей дочери», как об этом рассказывает сам поэт, но «бить и ругать его, попрекать куском хлеба и гнать пасти ягнят (да еще на кладбище!) – она не могла и никаких сведений, подтверждающих подобные вымыслы, нет» [5, с. 17]. Оппонент Нафи, Б.В. Корзун, считает Коста Хетагурова представителем феодальной фамилии по социальному происхождению, а поэтому полагает, что поэту приходилось преодолевать «рамки классовой ограниченности» [3]. Нафи соглашается, что семья Хетагуровых принадлежала к привилегированной фамилии, что сам Коста по официальным документам считался дворянином. Но далее он пишет: «Если судить не по букве документа, а по реальным социально-экономическим условиям, в которых вырос Коста, то нет основания считать поэта феодалом, а его

мировоззрению и творчеству приписывать феодальную классовую ограниченность» [5, с. 26].

Отстаивая интересы Коста в современном обществе, Нафи сделал ряд серьезных открытий, которые признаны учеными Осетии и России. К примеру, он установил, что единственное стихотворное посвящение в творчестве Коста, не имеющее адресата (стихотворение «Салам»), связано с празднованием столетия со дня рождения Пушкина [5, с. 136].

Нафи же принадлежит целый ряд неоспоримых доказательств влияния на творчество Коста поэзии Некрасова, оказавшей формирующее воздействие на основоположника осетинской литературы.

В ряде случаев заметно, что Нафи приходится выступать за своего «подзащитного», «оправдывать» его перед современниками в связи с тем, что просто-напросто изменились времена, и некоторые убеждения Коста не совсем вписывались в советские реалии. На самом деле Нафи оказался глубоко историчен и прозорлив, он понимал, что нельзя мерить автора, жившего в иную эпоху, мерками, предложенными новым временем. Это очевидно; тем не менее многие конъюнктурные исследования советской эпохи вынуждали Нафи Григорьевича выступать в защиту Коста и в подобных случаях тоже.

Проблема религиозности Коста – почти запретная в советский период истории – один из основных объектов такой защиты. О незаконченной поэме Коста «Чердак» Нафи говорит, что в ней много серьезных коллизий и глубоких размышлений над общественным бытием современной поэту России, но центральной мыслью текста является понимание того, что человек – существо божественного происхождения, и он не может быть ни рабом, ни повелителем; следовательно, «общество, в котором человеческие взаимоотношения скроены по шаблону «раб – повелитель», подлежит разрушению, ибо рабство и владычество противопоставлены человеческой природе, божественной по сути своей» [5, с. 166].

Сам факт необходимости говорить о божественном происхождении человека в концепции Коста несколько смущает исследователя, и он, честно об этом написав, пытается оправдать перед потомками основоположника осетинской литературы таким образом: «Поэт во многом исходит из правильных представлений о существующих особенностях человеческой природы. Человек подобен богу потому, что он общественный человек, порожденный историческим процессом, а не биологическое существо. Он обладает такими важнейшими и атрибутивными свойствами, как разум, чувство, воля» [5, с. 166]. Сегодня подобные оправдания перестали быть необходимыми, но стремление Нафи снять вся-

ческие подозрения с осетинского классика выглядят смелым и мужественным.

Нафи убежден, что хетагуровская концепция человека (в том числе в поэме «Чердак») не только оригинальна, демократична и гуманистична, но и «социалистична, хотя и не лишена органичной слабости: объяснения человеческой природы божественным происхождением» [5, с. 167].

Ученые, которые представляют следующее поколение, не так объемно и всесторонне охваченное влиянием советской антирелигиозной идеологии, гораздо проще и спокойнее относятся к религиозности Коста. У И. Хугаева по этому поводу читаем: «Гражданское «наклонение» хетагуровской лирики обращено прежде всего к разночинской молодежи, и этому совсем не мешают стилистически и эмоционально архаичные категории «пастух/пастырь – стадо/паства», даже когда возникают прямые реминисценции с Христом. Атеизм осетинского разночинства никогда не достигал базаровской возгонки, а религиозное сознание Коста полностью соответствовало мере и стилю общеосетинской религиозности...» [7, с. 271].

Тонок и тактичен Н. Джусойты и в тех ситуациях, когда Коста упрекают в неумении «догнать» наиболее передовых представителей того времени, в которое ему довелось жить. По поводу одного из адресатов своих наиболее резких критических высказываний, Б.В. Корзуна, Нафи Григорьевич пишет: «Идейно-творческий путь развития Коста Корзун рассматривает в перевернутом виде на основе простого школьного трюка. Он, оказываясь, в 80-е годы сравнивает Коста с либеральным народничеством и, разумеется, Коста оказывается несравненно выше народников, а с 1900 года Коста сравнивается с социал-демократией и, конечно, революционный демократизм Коста не выдерживает сравнения с марксизмом, с пролетарской революционностью» [5, с. 30]. Нафи категорически отвергает концепцию Корзуна, согласно которой идейно-творческий путь Коста шел по нисходящей линии [5, с. 29–30]. Как пишет Н. Джусойты, «гений Коста заключается в том, что он изображал «наиболее сложившееся» с целью его разоблачения и осуждения, что он замечал ростки нового, демократического, выращивал их и вносил в народное сознание революционно-демократические идеалы с целью воспитания революционного национального характера» [5, с. 15].

С большим сожалением Н. Джусойты не обнаружил в текстах Коста и ответ на вопрос, способен ли народ на объединение и на сплоченную борьбу со всемирным деспотизмом. И отсутствие в этической системе Хетагурова прямых уточнений по данному поводу вынуждает

ученого находить поэту оправдания: «Видимо, для Коста всегда было ясно, что народ представляет собой не только страдающую силу, но в потенциале и силу, способную сражаться за свою свободу. Но в 80-е и в первой половине 90-х гг. его внимание было приковано к страданиям народа, и он на первый план выдвигает показ этих страданий, чтобы вызвать сострадание и гнев, картин народной борьбы за свободу в поэзии Коста пока что нет. Видимо, это связано и с тем, что не было такой борьбы и в самой действительности. Революционная ситуация пока что складывалась исподволь, и провидеть ее поэту было почти невозможно. К исходу же XIX века нарастание народного возмущения, видимо, ощущалось уже заметно, и такой чуткий к переменам в общественных настроениях поэт, как Коста, мог уже почувствовать это и попытаться осмыслить его» [5, с. 170].

Много места в материалах сборника статей отведено попыткам определить значение гения Коста Хетагурова для осетинского народа, осетинской культуры. И тут Нафи особенно оригинален. Приведем наиболее интересные и яркие, на наш взгляд, сравнительные обороты, метафорические находки исследователя, с помощью которых он пытается передать читателям собственное отношение к наследию Хетагурова. Некоторые из них могут показаться избыточными, но они весьма органичны для человека и ученого, который всю свою жизнь занимался изучением биографии и творчества человека, величие которого ни у кого в Осетии сомнений не вызывает.

В статье «Он ушел в бессмертие», написанной в 2005 году, Нафи признается, что Коста кажется ему вечно молодым: «Как Уастырджи, едет он на прекрасном аргамеке (афсурге) впереди нашего народа в неведомое, вернее – одному ему ведомое – Грядущее!..» [5, с. 215].

Несколько раз вспоминает Нафи Григорьевич в связи с личностью Коста о горящем сердце Данко, о Солнце (Светиле, Яриле), которое неизменно уходит, но оставляет людям понимание того, что значит свет и тепло. Коста был человеком «солнечной открытости и искренности, но крайне щепетильным в делах чести» [5, с. 227]. Образ света возникает и в описании прозорливости Коста, его аналитические высказывания сравниваются Нафи с лазерным лучом, способным «читать карту исторического будущего народа» [5, с. 175]. Постоянно прибегая к эпитетам и сравнениям, так или иначе связанным со словом «свет», Нафи лишний раз подчеркивает проСВЕ-Тительскую миссию классика.

Целый ряд высказываний поднимает Коста на мировой уровень, поэт сравнивается с фигурами, представляющими античную культуру, что,

безусловно, придает ему небывалую значимость в истории народа: «Мы с Коста воины одной армии. Правда, в этой армии мы – рядовые, а он – великий воин, подобно Ахиллу в армии данайцев под Троей. Но воюем мы за одни и те же идеалы, за одну родину, имя которой – осетинская национальная культура. Наш долг – вести дальше бой, в котором пал Коста – «Ахилл быстроногий...» [5, с. 141].

В эту удивительную армию, где в одном строю защищают свои идеалы античные герои, нартские богатыри, истинные лидеры наций и праведники, Нафи приглашает и молодое поколение деятелей культуры и науки Осетии. С грустью повествуя о том, что он не слышит голоса юных и «дерзких» талантов, которые никак не могут пока озвучить свои претензии к миру, Нафи восклицает не без гордости за своих сверстников: «Где вы, дерзкие таланты или талантливые смельчаки?! Мы вас ждем с нетерпением. Мы готовы выслушать ваши претензии, принять ваши дерзкие замыслы и подставить вам плечи с тем, чтобы вы быстрее дотянулись до вершин, которые мы не сумели покорить!» [5, с. 142].

Немного видоизменив практически всем известное высказывание А. Фадеева о Коста, осетинский ученый развивает его таким образом: «Подобно выдающимся людям эпохи Возрождения, он, откладывая перо поэта, выхватывал из ножен меч бойца, а вложив меч в ножны, брался за свой ирон фандыр, чтобы сложить песни – думы сердца, наблюдения своего проницательного ума и горестные заветы своей души. А порой он действовал тем и другим оружием одновременно» [5, с. 56].

Используются в статьях о Коста и образы, основанные на преданиях, сказаниях, легендах. К примеру, поэт сопоставляется с дальнорким сыном божества поэзии – «подобно «Дальноркому» слуге божества Авсати» [5, с. 227]; со сказочным богатырем, который «раздвинул теснину гор силой мысли и таланта, поднялся на самые высокие вершины Кавказа и оттуда оглядел орлиным взором не только горы Кавказа, не только великую русскую равнину, но и всю Вселенную» [5, с. 173].

В другом материале Нафи пишет, что исполненная фигура Коста в осетинской литературе возвышается, «как гора Казбек среди соплеменных гор» [5, с. 64].

Более поздние высказывания о Коста становятся не столь высокопарными, скорее интимными, человечными. Осетинский литературовед, вспоминая, что Тютчев назвал Пушкина «первой любовью» России, утверждает, что и Хетагуров для осетин – «первая и непреходящая любовь», «вечно юный брат и бессменный вождь».

Значение Коста и в том, что он «воплощал в

себе идеал личности, который всегда живет в нашем сознании и следует впереди нас на пути к самим себе, к обретению своей подлинной сущности» [5, с. 175].

Осетинский литературовед пытается обобщить свои знания о личности и творчестве Коста и обозначить, определить те черты, которые делают Коста столь значимой фигурой в истории Осетии.

Ведущую особенность поэтического характера и человеческой сути Коста ученый видит в его силе воли и называет «непокорством». Не строптивостью и своеволием честолюбивого гордеца, а осознанным непокорством, нежеланием мириться с устоявшимися нормами жизни человека в обществе того периода, который выпал на долю Хетагурова, построенном на несправедливости [5, с. 145].

Среди других черт, отличающих Коста от современников и потомков, – исключительная цельность. «Между словом и деянием нет ни малейшего зазора. Щепетильный в вопросах чести, он был нетерпим к фальши и неискренности не только в поэтическом слове и общественном деянии, но и в личном общении и бытовом поведении» [5, с. 145].

Очень важно для ученого объяснить потомкам Коста, каковы основные заветы поэта. И эти заветы четко сформулированы в материалах Нафи: «Первый и основной завет Коста – это Свобода... Вторым основным заветом великого поэта можно назвать его глубоко выстраданную идею, а вернее, призывную мысль о единении угнетенных людей и угнетенных народов» [5, 59–60].

Но главная составляющая завещания К. Хетагурова заключается в том, что в поэтическом наследии его «присутствует вся последующая осетинская литература как возможность, как колос в зерне. Вся наша современная литература – это побег, выросшие на мощных корнях поэзии Коста Хетагурова» [5, с. 53]. Нафи Григорьевич в нескольких статьях настойчиво говорит об этом и призывает своих читателей понять, что это не будничные слова, «ибо этими словами сформулирован глубочайший смысл великого творческого подвига нашего поэта» [5, с. 50–51]. Более того, в духовной сокровищнице осетинского народа только «всемирно известный Нартовский эпос может быть сопоставим с поэзией Коста» [5, с. 47].

При том, что Нафи добровольно и с явным удовольствием возложил на себя миссию быть защитником наследия Коста от недобросовестных исследователей и интерпретаторов, он постоянно испытывает сомнения в этом своем праве, что особенно трогательно и удивительно. В материале, озаглавленном «Урок величия лично-

сти поэта», мы читаем: «Чтобы одолеть свою робость перед величайшим поэтом родного языка, осетинские поэты начинают с мысли о том, что и Коста был обычным горским мальчиком и лишь позднее стал поэтом необычайной силы, мыслителем общечеловеческого масштаба, находя в этом бытовом соображении хоть малое, но все же утешение» [5, с. 226]. Более того, Нафи Григорьевич испытывает перед Коста чувство вины за то, что он и его народ все еще недостаточно оценили К. Хетагурова в контексте мировой поэтической культуры, потому что «человечество все еще живет по законам численной субординации даже в области духовной культуры» [5, с. 176]. Невозможно поверить, что сам Нафи живет по таким именно законам, но с себя он вины тоже не снимает как достойный представитель целой армии последователей и исследователей творчества и личности Коста.

Нафи Григорьевич отпраздновал 90-летие, но до сих пор продолжает бороться за наследие

К. Хетагурова. В одном из последних интервью (март 2015 г.) он с горечью говорит о том, что «давно предлагал дирекции Северо-Осетинского научно-исследовательского института создать совместными усилиями энциклопедическое исследование жизни и творчества Коста Хетагурова» [4], однако «тихое», как обозначил это сам Нафи, слово его услышано не было.

И дальше: «Многие проблемы поэтического искусства Коста остаются не изученными в подробностях» [4]. Это уже задача, которую он просит решить идущее за ним поколение исследователей.

В посвященной Нафи статье Г. Плиты вспоминает емкую фразу ученого о том, что Коста подарил осетинам книгу, а Елбасдуко открыл перед ними двери театра. И далее автор материала утверждает, что «про самого Нафи можно сказать: он открыл широкие двери в сокровищницу научных исследований и осетинской культуры» [6].

Задачи поставлены, двери открыты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алборова А. «Советская власть сменилась на дореволюционную» // http://www.gazeta.ru/science/2013/08/08_a_5544009.shtml
2. Газдарова А.Х. История и современность в художественной интерпретации Нафи Джусойты. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Владикавказ, 1999. С. 6 // <http://www.dissercat.com/content/istoriya-i-sovremennost-v-khudozhestvennoi-interpretatsii-nafi-dzhusoity>
3. Корзун Б.В. Об изучении биографии и творчества К.Л. Хетагурова // Известия Грозненского областного краеведческого музея. 1954. Вып. 6.
4. Мзокоев А. Нафи Джусойты: «Судьба нашего языка не беспокоит лишь наше чиновничество, ибо оно и не знает его, и не говорит на нем» // http://ironpost.ru/news/nafi_dzhusoity_sudba_nashego_jazyka_ne_bespokoit_lich_nashe_chinovnichestvo_ibo_ono_i_ne_znaet_ego_i_ne_govorit_na_nem/2015-03-03-1904
5. Нафи. Иры хур ыскасти Нарæй. Литературон-критикон уатстæ. – Дзæуджыхъæу, 2009.
6. Плиты Г.Д. Нафи – певец Осетии // Газета «Южная Осетия», 2015. 29 января.
7. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ, 2008.

HERITAGE AND THE IDENTITY OF KOSTA IN TGE LITERARY CRITICISM BY NAFI DZHUSOITY

Belous L. V.

Belous Lyudmila Vladimirovna, PhD in Philology, Associate Professor of Ossetian literature of North Ossetian State University.

Abstract. This article proposes a review of the main aspects of «hetagurovedeniye» in literary-critical works by Nafi Dzhusoity. The nature of the relationship to the researcher's creative heritage and identity of Costa is revealed. Some recommendations for modern philologists, dealing with respectively problems, are analysed.

Keywords: Kosta, literary criticism, literary translation, culture, interpretation, personality, image.

REFERENCES

1. Alborova A. «Sovetskaya vlast' smenilas' na dorevolutsionnyu» // http://www.gazeta.ru/science/2013/08/08_a_5544009.shtml
2. Gazdarova A. Kh. Istoriya i sovremennost' v khudozhestvennoy interpretatsii Nafi Dzhusoity. – Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Vladikavkaz, 1999. S. 6 // <http://www.dissercat.com/content/istoriya-i-sovremennost-v-khudozhestvennoi-interpretatsii-nafi-dzhusoity>
3. Korzun B. V. Ob izuchenii biografii i tvorchestva K. L. Khetagurova // Izvestiya Groznenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. 1954. Vyp. 6.
4. Mzokov A. Nafi Dzhusoity: «Sud'ba nashego yazyka ne bespokoit lish' nashe chinovnichestvo, ibo ono i ne znaet ego, i ne govorit na nem» // http://ironpost.ru/news/nafi_dzhusoity_sudba_nashego_jazyka_ne_bespokoit_lich_nashe_chinovnichestvo_ibo_ono_i_ne_znaet_ego_i_ne_govorit_na_nem/2015-03-03-1904
5. Nafi. Iry khur yskasti Naræy. Literaturon-kritikon uatstæ Dzæudzhikh"æu, 2009.
6. Plity G. D. Nafi – pevets Osetii // Gazeta «Yuzhnaya Osetiya», 2015. 29 yanvary.
7. Khugaev I. S. Genezis i razvitie russkoyazychnoy osetinskoj literatury. Vladikavkaz, 2008.

С Гастаном Агнаевым и сотрудниками
ЦБС г. Владикавказа

С Вячеславом Огрызко
и Ахматом Созаевым

С работниками культуры

С Мелитоном Казиты
и Камалом Ходовым

В Президиуме II съезда СП Осетии

С Борисом Хозиевым
и Станиславом Кадзовым

